

Министерство науки и высшего образования РФ
Международная ассоциация преподавателей русского языка
и литературы «МАПРЯЛ»
Российское общество преподавателей русского языка
и литературы «РОПРЯЛ»
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

**Русская грамматика:
активные процессы в языке и речи
(Ярославль, 17-19 мая 2019 года)**

Сборник научных трудов Международного научного симпозиума

*Симпозиум проведен при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, проект № 19-012-20054*

Ярославль
2019

УДК 81'22
ББК 81.2Рус-5
Р 89

Печатается по решению редак-
ционно-издательского совета
ЯГПУ им. К. Д. Ушинского

Рецензенты:

академик РАО, доктор филологических наук, профессор
Государственного института русского языка
имени А. С. Пушкина *В. Г. Костомаров*;
доктор философии, профессор Потсдамского университета
(Германия) *П. Коста*

Редколлегия:

Ж. К. Гапонова, О. И. Глазунова, Е. Ф. Киров,
Е. М. Мельникова, В. Н. Степанов, Л. В. Ухова

Р 89

Русская грамматика: активные процессы в языке и речи :
сборник научных трудов Международного научного
симпозиума / науч. ред. д-р филол. наук, проф.
В. Н. Степанов ; отв. ред. Л. В. Ухова. – Ярославль : РИО
ЯГПУ, 2019. – 855 с.
ISBN 978-5-00089-352-4

В сборнике нашли отражение результаты Международного научно-го симпозиума «Русская грамматика: активные процессы в языке и речи» (Ярославль, 17-19 мая 2019 года), проводимого ЯГПУ им. К. Д. Ушинского в партнерстве с МАПРЯЛ, РОПРЯЛ, Институтом русского языка имени В. В. Виноградова (РАН) и Государственным институтом русского языка имени А. С. Пушкина. Статьи ведущих российских и зарубежных ученых и молодых исследователей, публикуемые в сборнике, посвящены актуальным проблемам грамматики современного русского языка. Кроме того, освещаются вопросы преподавания русского языка как родного, неродного, иностранного.

Сборник будет интересен специалистам в области русистики, когнитологии, психологии и психолингвистики, медиастилистики, преподавателям, аспирантам, студентам филологических факультетов вузов, учителям школ, а также журналистам и широкой общественности.

УДК 81'22
ББК 81.2Рус-5

ISBN 978-5-00089-352-4

© ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского», 2019
© Авторы статей, 2019

Содержание

ПЕРВОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ _____	9
<i>Рогова К. А.</i> Проблема дискурсивной мотивации грамматических явлений _____	9
<i>Золян С.</i> О семантико-синтаксических механизмах смыслообразования _____	16
ВТОРОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ _____	27
<i>Милославский И. Г.</i> «РГ 4.0»: усовершенствованная классификация языковых проявлений или удовлетворение потребностей пользователя? _____	27
<i>Вардиц В.</i> Грамматика русского языка диаспоры: вариативность или языковой сдвиг? _____	37
<i>Борисова Е. Г.</i> Экспликация (выявление импликатур) в грамматике слушающего _____	46
<i>Киров Е. Ф.</i> Принципы описания русского языка _____	53
<i>Глазунова О. И.</i> К вопросу о классификации сложноподчинённых предложений в отечественном языкознании _____	66
<i>Шарандин А. Л.</i> Лексическая грамматика как системный аспект описания грамматического строя русского языка _____	78
Секция № 1. Грамматические процессы в русском языке с позиций взаимодействия синхронии и диахронии. Активные процессы в морфологии и синтаксисе современного русского языка _____	88
<i>Бертякова А. Н.</i> Предложно-падежная рамка как отражение семантических изменений имени _____	88
<i>Богданова Л. И.</i> Оценки и эмоции в семантике и синтагматике глагола _____	93
<i>Валентинова О. И., Рыбаков М. А.</i> Ключевые понятия типологической грамматики _____	102
<i>Геккина Е. Н.</i> Возвратные глаголы: ресурсы лексического и семантического обновления _____	110
<i>Гращенков П. В.</i> Об устройстве именных предикаций с прилагательным _____	119
<i>Евграфова С. М.</i> К проблеме конструкций с неизосемической лексикой _____	129
<i>Капустина Т. Д.</i> К вопросу о конъюнкционализации в современном русском языке (на примере словоформы <i>по идее</i>) _____	138
<i>Кукуева Г. В.</i> Синтактико-стилистические изменения в сфере конструкций с чужой речью (на материале текстов малой прозы XXI в.) _____	147
<i>Кулева А. С.</i> О кратких атрибутивных прилагательных в современном русском языке _____	153
<i>Лагузова Е. Н.</i> Описательные глагольно-именные обороты в трудах П. А. Леканта _____	163

2. Марьина О. В. Интеграционные процессы в синтаксисе художественной прозы 1980-х – 2000-х гг. : монография. – Барнаул : БГПУ, 2008. – 171 с.
3. Покровская Е. А. Динамика русского синтаксиса в XX веке: лингвокультурологический анализ. – Ростов-н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 2001. – 436 с.
4. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. – М. : Аграф, 1997. – 384 с.
5. Фатеева Н. А. Современная русская «женская» проза: способы самоидентификации женщины-как-автора. – 2000. – URL: www.owl.ru/avangard/sovremennayaarus.html. (Дата обращения: 23.01.2019).
6. Чувакин А. А. Категория образа автора как инструмент интеграции художественного текста // Проблемы интеграционной лингвистики: автор – текст – адресат. Новосибирск, 2001. С. 109-116.

УДК 811.161.1'42

А. С. Кулева

О кратких атрибутивных прилагательных в современном русском языке

Аннотация. В статье описываются примеры атрибутивного употребления кратких прилагательных, ненормативного с точки зрения грамматики современного русского языка. Сопоставление этих примеров с традицией «усеченных прилагательных», известного грамматического архаизма языка русской поэзии, позволяет предположить, что возможность атрибутивного употребления кратких форм сохраняется на периферии современной грамматической системы.

Ключевые слова: грамматика, краткая форма, прилагательное, современный русский язык, усеченные прилагательные.

Современная система имени прилагательного сложилась к XVIII в. В ее центре находятся местоименные (полные) прилагательные, выполняющие в предложении функции определения и именной части сказуемого. Древние именные (краткие) прилагательные сохраняются в качестве специфических форм, не склоняющихся и выступающих только в роли предиката, которые считаются (с современной точки зрения) образованными от полных качественных прилагательных. Также и краткие причастия в современном языке сохранились только в качестве особой формы страдательных причастий преимущественно прошедшего времени, а краткие формы относительных прилагательных и действительных причастий в современном языке отсутствуют.

Такой взгляд на систему имени прилагательного отражен во всех современных грамматиках русского языка [РГ-1980] и в преподавании.

Однако настораживает большое количество исключений и оговорок:

– Принято считать, что следы атрибутивного употребления именных прилагательных сохраняются в современном языке в отдельных застывших формах в различных устойчивых сочетаниях: а) во фразеологизмах, например: *среди бела дня, по белу свету, на босу ногу* (с субстантивацией: *не по хорошу мил, а по милу хорош; мал мала меньше; от мала до велика; по добру по здорову*), также в наречиях: *издавна, смолоду*; б) в фольклорных постоянных эпитетах: *красна девица, добру молодцу*; в) в церковнославянизмах: *свято место пусто не бывает* [Краткая русская грамматика: 256]. К сожалению, исчерпывающих списков таких устойчивых выражений до сих пор не существует (таким образом, характер их «устойчивости» остается проблематичным). Утверждение о сохранении пережитков именных прилагательных в виде наречий также не является общепринятым; ср. [Марков: 14-16].

– Существует возможность полупредикативного употребления прилагательных. Краткие прилагательные и причастия в предложении могут не только играть роль сказуемого, но и занимать позицию «распространяющего члена с двунаправленным отношением в устаревающих построениях типа: *Нахожу ее едва живу*» [РГ-1980, 2: 457], употребляются «в составе обособленных оборотов, обычно одновременно определяющих как подлежащее, так и сказуемое»: *он сидит печальный / печальным / печален; Сижу задумчив и один, На потухающий камин Сквозь слез гляжу* (Тютчев) [РГ-1980, 2: 237-238, 143-144; 1: 556-558]. К середине XIX в. краткие формы в обособленном употреблении становятся «специфической принадлежностью стихотворной речи» [Ковтунова: 429]. Надо отметить, что в художественной речи свободно используются «несуществующие» грамматические формы – краткие относительные прилагательные и действительные причастия (например, у Маяковского: *Не уйти человеку! / Молитва у рта, – / лег на плиты просяц и грязен он*; у Л. Мартынова: *Губы сжаты, а глаза стеклянны; Житейский путь мой каменист и торен; Ветер северный южен*).

– Использование кратких атрибутивных форм отмечается в стилизующей литературе: «В художественной литературе, преимущественно в поэзии, краткие формы в определительной функции употребляются в целях создания народно-поэтического колорита; например, у А. Блока: *Я голосом тот край, где синь туман, бужу, Я песню длинную прилежно вывожу* (“Песельник”); *Ой, синь туман, ты – мой! Ал сарафан – пожар, что девичий загар!* (там же); *Как пошли наши ребята В красной гвардии служить – В красной*

гвардии служить Буйну голову сложить («Двенадцать»)» [Краткая русская грамматика: 256].

– И наконец, в языке поэзии встречается яркое и интересное грамматическое явление – так называемые «усеченные прилагательные». Традиционно они рассматривались как характерная черта поэзии XVIII в., например: *Поля покрыла мрачна ночь; Вошла на горы черна тень; Несчетны солнца там горят* (М. Ломоносов. «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния», 1743). Причиной появления усеченных прилагательных в языке поэзии принято было считать использование их в качестве версификационного элемента: они занимают заметное место среди «поэтических вольностей» – несвойственных живому языку форм, традиционно употреблявшихся в стихотворном языке «уже с самого начала возникновения новой русской поэзии, то есть еще в первой половине XVIII века» [Винокур: 246]. Противопоставляя усеченные и краткие прилагательные, Г. О. Винокур отмечал, что «“усеченные” формы очень часто искусственно образованы от полных, и в этом отношении поэты и теоретики с известным правом смотрели на них как на своего рода сокращения полных форм, тогда как в живой речи, наоборот, полные формы образовались от именных, и последние, без явной бессмыслицы, не могут почитаться “сокращенными”» [Там же: 253]. Доказательством искусственности «усечений» считали отсутствие полной парадигмы склонения, так как использовались только формы, бывшие на слог короче полного прилагательного; также отмечалось, что они, как правило, сохраняют ударение на основе там, где оно должно переноситься на окончание (*мра́чна ночь*); в кратких страдательных причастиях помимо ударения сохраняется и удвоенная Н в суффиксе (*мысли восхищённы*). Способом образования этих форм называли «усечение» окончания или его части, что и давало основание называть их «усеченными».

Очень важно, что «усеченные прилагательные» рассматривались очень узко: только как черта языка поэзии XVIII – нач. XIX в. и без соотнесения с историей имени прилагательного. Именно этим и можно объяснить противоречивость и непоследовательность в большинстве попыток дать определение этого языкового явления.

Возможность пересмотреть и уточнить многие положения академической грамматики дают новые методы исследования, и прежде всего корпусный метод [Материалы к корпусной грамматике]. Анализ больших массивов текста позволяет взглянуть на употребление определенных грамматических форм в широкой исторической перспективе (то есть в динамике).

При попытке взглянуть на «усеченные прилагательные» с диахронической точки зрения и с опорой на корпус [НКРЯ] обнаруживается, что эта своего рода «верхушка айсберга» тесно связана с другими упомянутыми «исключениями», и вместе позволяют лучше понять пути формирования современной системы имени прилагательно и ее состояние на настоящем этапе; об этом подробнее см. [Кулева].

1. Представление о том, что русская поэзия зародилась только в XVIII в., едва ли правомерно. Русская силлабическая поэзия создавалась в середине XVII столетия в рамках церковно-книжной традиции, во второй половине XVII в. была обогащена польско-украинским влиянием, достигла наивысшего расцвета в первой половине XVIII в. и через творчество Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова оказала существенное воздействие на развитие русской поэзии. Важно, что на этом этапе краткие атрибутивные прилагательные еще употреблялись в русском языке, а в церковнославянском они существуют до сих пор. Существенно, что именно из славянских грамматик (например, Мелетия Смотрицкого) и был взят термин «усеченные прилагательные», который применялся по отношению к старым именным формам, противопоставляемым «целым», то есть полным прилагательным [Грамматика: 157].

2. Употребление усеченных прилагательных в языке силлабо-тонической поэзии первоначально базировалось на традиции силлабического стихосложения и поддерживалось нормативным употреблением в церковнославянском языке. Использовались формы отдельных падежей прилагательных и причастий, как именного, так и местоименного склонения, бывшие на один слог короче (собственно усеченные прилагательные) или длиннее (формы Р. и Т. ж. ед.) соответствующих русских форм, но иногда и равносложные (И. – В. м. ед. *развратен род, прозрачен сон*; Р. ж. ед. *касталийски воды, вселенны*). Можно сказать, что усеченные прилагательные не имели «своего особого полного склонения» в связи не со своим искусственным происхождением, а с тем, что такого полного склонения в качестве образца в русском языке для именных прилагательных к XVII–XVIII вв. уже не существовало. Отдельные случаи употребления таких форм опираются на факты церковнославянского языка. Состав морфологических моделей (по их частотности) усеченных прилагательных в поэтическом языке можно свести к следующему:

1-4) Наиболее употребительны в стихотворных текстах разных эпох формы И. всех родов и чисел (и совпадающие с И. формы В. м. – ср. ед. и В. мн., определяющие неодушевленные существительные): *шумны волны, всяк день, нежна тень, военно ремесло*; причем эти формы, употребленные в качестве версификационного элемента, как правило,

сохраняют нейтральную стилистическую окраску – скорее всего, в связи с тем, что они совпадают с краткими предикативными формами; особо следует отметить равносложные формы м. ед.: **зорок** *глаз*, **прозрачен** *сон* (ср.: *зоркий*, *прозрачный*).

5) В. ж. ед.: **кроваву** *брань*.

6) Р. м. – ср. ед. (и совпадающие с Р. формы В. м. – ср. ед., определяющие одушевленные существительные): **прекрасна** *Купидона*.

7) Д. м. – ср. ед.: **взору** *изумленну*.

8) Редкая равносложная форма Р. ж. ед.: **вселенны** (vs. *вселенной*), наряду с неравносложной **жалю** *мудрыя* *змеи*.

9-10) Единичные случаи употребления ряда форм: Т. мн. (**дарованьями** *различны*), П. м. – ср. ед. (*на месте* **пусте**). В принципе возможны и другие формы. Так, в Евангелии от Матфея кроме всех перечисленных находим форму Д. ж. ед. (*ветсе* **ризе**). В сборнике Кириши Данилова встречаются отдельные формы Р., Д. и Т. (Р. ж. ед. *у молоды* **Марины**; Д. ж. ед. *ко честны* **вдавы**)

Существующие определения с разной степенью категоричности сообщают о том, что усеченные формы обычно, чаще всего или даже «всегда» несут ударение на основе, сохраняя ударение полного прилагательного, и этим отличаются от исконных кратких форм, в которых ударение переходит на окончание. При обращении к реальным примерам можно обнаружить, что ситуация с ударениями сложнее, чем можно было бы предположить: краткие формы могут нести ударение на основе (**велика**), одно и то же слово может употребляться в краткой и усеченной форме не только с разным ударением (**красны́** – **красны**), но и с одинаковым (**полны**), а кроме того, «сохранение ударения полной формы» не всегда означает, что оно остается на основе (**драго́** – **драгбе**, **други́** – **другие**). Отметим, что далеко не во всех кратких прилагательных ударение должно переноситься на окончание (**мятежны**). В современных орфоэпических исследованиях отмечается, что перенос ударения на окончание наблюдается лишь в очень небольшой группе прилагательных (около 4 %) [Савинов и др.], что согласуется с употреблением усеченных прилагательных.

3. Позднее, в связи с произошедшими радикальными изменениями в культурной жизни страны, преемственность традиций в развитии русской поэзии, в том числе и в области языка, скоро перестала осознаваться и была забыта. В функции, во-первых, версификационного приема и, во-вторых, внежанровой приметы стихотворного языка усечения существовали до первой трети XIX в., а позднее были утрачены в связи с общей тенденцией приближения языка поэзии к живой речи. В качестве приметы возвышенного стиля или средства его пародирования, иронического элемента данные формы сохранились. Во второй

половине XIX в. язык поэзии стал приближаться к живому языку, избавляясь от «поэтических вольностей» как от неких формальных показателей, отличающих язык поэзии. Однако и в этой роли усеченные прилагательные не исчезли окончательно, а были вытеснены на периферию литературного процесса. Становясь всё более и более нехарактерными для общенационального языка, они закрепились как поэтизм, что привело к резкому сокращению их употребления и возникновению представления об их искусственности.

4. С конца XVIII в. в произведениях, стилизованных под фольклор, среди других элементов фольклорной эстетики использовались постоянные эпитеты, в которых прилагательные выступали как в местоименной, так и в именной форме (*солнце красное vs. красно солнце*). В языке русской поэзии такие формы, воспринятые из языка фольклора, слились с литературными усеченными прилагательными (часто искусственными), пополнив арсенал выразительных средств. Начиная с середины XIX в. усеченные формы были переосмыслены как стилистический маркер и в таком качестве выступают в произведениях поэзии Серебряного века и позднее, вплоть до начала XXI в. В поэтическом языке продолжают появляться новые функции усеченных прилагательных (например, функция исторической архаизации, в том числе – в поэтических переводах). Ср. примеры:

*Зачем же нам так долго спорить нужно / О том, что вместе распознали в мире, / О Боге **живе** и Его любви?* (Вяч. Иванов);

*Помяни ж за раннею обедней / **Мила** друга, светлая жена!* (Блок);

*Ломает чернь **неблагодарна** / Поэта славное перо...* (Кузмин);

*Ртом не достать! – Через **летейски** воды / Протягиваю две руки; Что, полная чаша куста, / Находишь на сем – месте **пусте**?* (Цветаева);

*От полуночи / До **синя** утра / Над Невой твоей / Бродит тень Петра* (Есенин);

***Красна** девица сидит, пригорюнившись, **Зелена** лягушечка расквекалась, Да прошел-прошел **буен** молодец* (Хлебников);

*Перед нэпачкой баба **седа** / отторговывает копеек тридцать. / – Купите платочек! / У нас / **завсегда** / заказывала / сама **царица**...* (Маяковский);

*Казалось, что стучится в наши терема / **Татарска** бабушка, сама падера вьюга, / **Несуща** вьюжный вьюк, что стужей стянут туго; Мол, к нашим дырявым овчинам / Пришьем **драгоценны** заплатки* (Мартынов);

*В грешной душе коль наторел в **скорбну** годину, / мнишь, что уже мир обзрел? Драгму **едину**; Умер пароль, ведший нас чрез **часты** тента. / «Льется отколь, полная слез, **плачуца** нота? / Чей там хорал*

в землю ведет часть **превосходну?**» / Тот, кто терял, тот и поет песню **отходну**; (Бродский);

Небесна лошадь ест в желудок **пуст** (Соснора);

сжался до размеров тех / где **ни права и ни лева** / ни покрывки и ни дна – / только лунка для посева / **пусто место** для зерна; снова, Господи, прости им / слово **чёрно**, волю злую / за игру языковую / с пушкинским Езекиишем (Кривулин);

Вы швыряли **медну** полушку / Мимо нашей шапки **терновой** (Башлачев).

5. Усеченные прилагательные – это особого рода краткие прилагательные (не только качественные, но и относительные), а также при-мыкающие к ним формы причастий (в том числе действительных), местоимений-прилагательных, порядковых числительных, которые используются в языке поэзии в атрибутивной функции как в И. – В., так и в некоторых косвенных падежах. По своему строению к этой категории слов могут быть отнесены и особые формы субстантивов (такие, как *всяк, вселенна, подданны* и др.). Являясь по происхождению древними именными прилагательными, усеченные прилагательные могли быть восприняты языком русской поэзии из церковнославянского языка или языка фольклора, но могли и создаваться по известным морфологическим моделям в зависимости от версификационных или стилистических задач, которые решались авторами.

6. Как уже упоминалось, хотя в учебниках, справочниках и грамматиках традиционно упоминаются в качестве грамматических реликтов разного рода устойчивые сочетания, но нет исчерпывающих списков таких примеров, и судить о степени их устойчивости непросто. Обращение к [Зализняк], фразеологическим и толковым словарям и НКРЯ показывает, что такого рода примеры не единичны и вариативны. Помимо хрестоматийных *на босу ногу* и *по белу свету, красна девица и добры молодцы*, мы находим и такие, как *лиха беда (начало), не лиха (велика) беда; всяко дело, всяко разно; в оны дни, во время оно; под белы ручки (руки, рученьки); право слово, слово твердо; за добра ума ‘по-хорошему’ (за добра ума поздорову убирайся); до белого (белу) света (свету), до светла ‘до утра, до рассвета’, от светла до светла ‘в течение суток’.*

В толковых словарях выражение *сыр-бор* (*сыр-бор загорелся, из-за тебя весь сыр-бор, городить сыр-бор*) помещается в статье СЫРОЙ, то есть поговорка *От искры сыр-бор загорелся* буквально означает ‘от искры загорелся влажный лес’. При этом в НКРЯ находим примеры:

Это от нее, ведьмы, все происходит, все сыры-боры от нее загораются (Достоевский);

Как мы попали в этот лес, в этот сыр-дремучий бор? (Островский);

Сыру-бору нет конца, горечь поплыла к заре, и вот уж нет у нас лица, Друг другу не во что смотреть (Берггольц);

Они думают: В городе кислородное голодание, Здесь природа, сыр-бор (Слуцкий).

7. Такие же грамматические формы встречаются не только в языке поэзии, но и в прозаических произведениях, отмеченных стилистическими поисками: в творчестве таких авторов, как П. Мельников-Печерский, Н. Лесков, М. Горький, В. Сорокин, в исторической прозе (Ю. Герман), фольклорных стилизациях (Б. Шергин, С. Писахов) и др.

Например, у Мельникова-Печерского: *в казенны подряды пускался Чапурин; бисерны лестовки вязать; всяко праздно слово на последнем суде взыщется; деньжонок малу толику скопит, не в банк кладет ее, не в акции, а в родительску кубышку; в верховы города, на золоты прииски, первы бумажки, посторонни люди, родительски денежки, древян гроб, хозяйско добро, казенна земля, деревянну посуду, про дешиню старину.*

8. Характерно, что в качестве источника или «живой параллели» редко называют диалекты и другие славянские языки, чему есть свои объяснения. Более поздние по происхождению стяженные формы, характерные для ряда диалектов, а также украинского и белорусского языков, отмечаются только в формах И. – В. (*большій изба, большіо село, большій сапоги*), тогда как особенность усеченных форм, как и древних именных, состоит именно в наличии форм косвенных падежей, а также формы И. – В. (*мудр муж*). Именно это, в свою очередь, в максимальной степени сближает усеченные прилагательные литературной традиции и грамматическую систему церковнославянского языка, в том числе современном употреблении. Тем не менее для носителя языка, не владеющего информацией об истории языка и не обращающего внимания на тонкости употребления тех или иных грамматических форм, все подсистемы – художественная речь, церковнославянский язык, славянские языки и диалекты – могут быть почвой, «подпиывающей» употребление, не кодифицированное, но и не запрещенное полностью в грамматике современного языка.

9. Интересно, что в интернет-общении (при чтении блогов и форумов, то есть не в художественной речи, а в непосредственной коммуникации современных носителей языка) можно найти самые разные примеры атрибутивного употребления кратких форм, преимущественно иронические. Как представляется, именно этот языковой материал представляет наибольший интерес, поскольку является рефлексией современного носителя языка. Собранные примеры (к сожалению, их

поиск трудно автоматизировать, поэтому формирование представительного корпуса остается делом будущего) варьируют в широком спектре от более или менее точных прецедентных выражений, их трансформаций в результате явной языковой игры до ярких образов с многозначной коммуникативной нагрузкой. Показательно, что подобные примеры (в том числе несущие печать авторского стиля) исходят не только из филологической среды – напротив, их легко найти в очень разных кругах общения: разных по интересам, по возрасту, по географии, по широте охвата и т. п.

Ср. примеры:

*говорите охраннику, что Вы на Гаспаровскую конференцию, распечатайте программу на **всяк** случай, входите через главный вход* (информация в блоге; филологическая среда);

*мещанин садится в машину, приезжает к власти в кабинет, берет ее за **розову** щеку и спрашивает* (З. Прилепин; эссе, опубликованное в блоге);

*демократия – мать **родна**, а диктатура – жаба **грудна*** (газета; НКРЯ);

*...Отчего летят тарелки Из **высока** терема? Оттого что шубы нуту, Молодость потеряна!..* (имитация частушки);

– блоги о кино:

*Вчера имела счастье наблюдать за воздействием джексоновского Средиземья на простую неискушенную молодежь **женска** полу; проявила о нем **материнску** заботу;*

*есть у меня в облаке и на ютубе, выложили **добры** люди;*

*А маечка теперь – и в пир и в мир и в **добры** люди?*

*А чего оно тогда в **разны** стороны оглядывалось с ужасом?*

*даже Сотона подсовывает договор о ништяках не просто так а за **бессмертну** душу;*

*Смуцает только место рождения. Александрия? **Кака така** Александрия??*

– комментарии к политическим новостям:

*Отсюда женские истерики и упреки на тему «Ты мне молодость сгубил и по **гробову** доску денег должен»;*

*сломались **импортны** игрушки;*

*благосостояние (веранда, розмарин, **черепична**-крыша);*

*Вся **чесна** компания в сборе;*

*А еще Собянин любит Фестивали **всяки-разны** – То морожена с вареньем, То ваще с лимоном чая;*

– о бытовых ситуациях:

*ходим в магазин, набираем **полну** корзину снеди, и подходим к кассе;*

блузка в обляпочку на босу грудь;
otdat_darot: неведома штука типа вешалки круговой с прищеп-
ками и др.

10. Приведенные наблюдения и примеры говорят о том, что краткие атрибутивные прилагательные в современном русском языке вполне возможны, они понятны говорящим и при необходимости образуются вполне легко и свободно.

Таким образом, допущение в грамматике возможности атрибутивного употребления кратких форм как маргинального, периферийного, но живого явления современного русского языка [Плунгян: 233] способствовало бы более глубокому и системному анализу категории полноты / краткости, описанию истории имени прилагательного в сочетании синхронического и диахронического подходов.

Литература

1. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. – М.: КомКнига, 2006. 330 с.
2. Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост. Е. А. Кузьминой. – М.: Изд-во МГУ, 2000. 528 с.
3. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. – М.: Языки славянской культуры, 2003. 1488 с.
4. Ковтунова И. И. Изменения в системе осложненного предложения // Очерки по исторической грамматике русского языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века. – М.: Наука, 1964. С. 369-482.
5. Краткая русская грамматика / Н. Ю. Шведова, В. В. Лопатин (ред.). – М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2002. 726 с.
6. Кулева А. С. История усеченных прилагательных в языке русской поэзии. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 544 с.
7. Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. – М.: Высшая школа, 1974. 141 с.
8. Материалы к корпусной грамматике русского языка / отв. ред. В. А. Плунгян. – Глагол. Ч. I. – СПб.: Нестор-История. 2016. 445 с.
9. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения – декабрь 2018).
10. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: РГГУ, 2011. 672 с.
11. РГ 1980 – Русская грамматика АН СССР: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Т. 2. Синтаксис. – М.: Наука, 1980.
12. Савинов Д. М., Скачедубова Е. С., Каленчук М. Л. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 9-28.